

KASSANDRA MOON

ОН – МОЯ
НОВОГОДНЯЯ
ОШИБКА.
ОН – МОЁ
ЗАПРЕТНОЕ
ЖЕЛАНИЕ

С Новым годом,
ВРЕДИНА
БОСС

ЗАПРЕТНО. ГОРЯЧО. НЕВОЗМОЖНО ЗАБЫТЬ.

18+

Kassandra Moon

С Новым годом Вредина Босс

<https://litres.ru/74203578>

Аннотация

Я резко открываю глаза — и тут же зажимаюсь от яркого утреннего света, пробивающегося сквозь неплотно задернутые шторы.

Где я?

Поворачиваю голову — и сердце проваливается в пятки.

Рядом со мной, спокойно спит Александр Юрьевич. Его рука небрежно лежит на подушке, тёмные волосы взъерошены, лицо расслаблено — совсем не такое строгое, как в офисе.

Паника накрывает волной. Я судорожно пытаюсь вспомнить вчерашний вечер: виски, разговоры, его слова... Свидание. Без жульничества.

Но как мы оказались в одной постели?

Сколько я выпила? Какой позор.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	9
Глава 3.	21
Глава 4.	27
Глава 5.	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Глава 1.

Люблю Новый год.

Запах ёлки, мандаринов и мороза...

Никогда не любила ничего больше, чем этот праздник.

Но этот год выдался настолько весёлым, что, кажется, я усну под ёлочкой вместе с белочкой ещё до боя курантов.

Мой босс — редкостная заноза в моей большой и красивой заднице. Тысяча и одно поручение за неделю до Нового года!

Особенно приятно, что он оценил мою работу по достоинству и поручил организовать корпоратив.

Я вот думаю: может, заказать ему в интернете статуэтку с надписью «Начальник, которого не жаль закидать мандаринами и шишками насмерть»?

Александр Юрьевич — мужик неплохой, только... ссытся и глухой.

Шучу!

Это двухметровая скала со всеми кубиками на животе, какие только могут быть. Красивый, как бог, но вредный и придирчивый, как чёрт.

— О чём задумалась, дочь? — ворчит мама, разбирая пакеты.

— Ни о чём. Просто устала.

— За продукты спасибо, конечно. Но хотелось бы внуков.

— В магазине не продают, — закатываю глаза.

— А что там твой... М-м-м... Даже не знаю, как назвать, чтобы не обозвать.

— Мам! — пыхчу.

— Не мамкай, Дина! Ты с ним уже шесть лет. Шесть! И ни намёка на предложение руки и сердца, а про съехаться я вообще молчу!

Я могу понять маму. Она меня всю жизнь одна тянула. По сути, кроме меня у неё никого нет.

Тот факт, что я живу отдельно — да ещё и в своей квартире, — делает меня завидной невестой по маминым меркам.

Да и зарплата у меня хорошая. Я хоть и секретарь, но очень ценный. Не зря же меня и в хвост, и в гриву гоняют за всё и вся.

Мама как-то видела меня в компании начальника и загорелась идеей заполучить эту крепость с кубиками в зятя.

Но он, грубо говоря, женат...

Поправочка: был женат.

На днях он застал свою супругу в кровати с собственным братом.

Жалко, конечно, мужика. Чисто по-человечески.

Было жалко первую неделю — пока он не начал гонять меня, как псину, по офису.

Теперь всё это выглядит скорее как злой рок: человек только что пережил личную трагедию, а вместо того, чтобы прийти в себя, с утроенной силой набрасывается на подчи-

нённых.

Иногда я пытаюсь представить, что творится у него в голове.

Наверное, это как шторм в закрытой комнате: ярость, боль, растерянность — и некуда выпустить пар. Но мне от этого понимания не легче.

Каждый день — новое невыполнимое задание, очередной дедлайн, который нужно закрыть «ещё вчера».

А впереди — корпоратив. И если я не организую его так, чтобы все забыли о проблемах хотя бы на одну ночь, боюсь, мой босс найдёт новый способ превратить мою жизнь в ад.

И словно почуяв, что я думаю о нём — а может, у него уши полыхают, — у меня высвечивается сообщение от босса: — Дина, ты где? Встретимся? Это по работе.

Издаю вселенский стон страдания и негодования.

Вою, как белуга без маринада.

Как мандаринка без кожурки.

Ладно, драматизирую чуть-чуть.

— Дочь, ты почему воешь? У меня аж сердце в пятки ушло! — вздрагивает мама.

Я лишь кручу телефоном, показывая, что это рабочие моменты. Что ж, придётся написать ему адрес — пусть сам ко мне едет.

Уже вижу, как мама тут выплясывать будет: в её воображении это уже не просто встреча по работе, а судьбоносный визит будущего зятя.

Пальцы неохотно набирают сообщение:

— Могу принять вас дома через час. Адрес пришлю.

Отправляю и тут же жалею. Теперь мама точно не даст мне проходу. Она уже приглядывается ко мне с подозрительным блеском в глазах.

— Кто это к нам собирается? — тянет она, откладывая полотенце. — Уж не твой ли начальник?

— Начальник, — вздыхаю. — По работе.

— По работе, — повторяет мама с многозначительной улыбкой. — Ну-ну. Может, хоть чаю предложите друг другу? Я как раз пирог испекла...

Закатываю глаза. Начинается.

— Мам, только без фантазий. Он приедет обсудить корпоратив. И уедет. Всё.

— Всё, всё, — кивает она, но взгляд говорит обратное. — Я только пирог подогрею. И скатерть сменю. И цветы поставлю...

— Мама!

— Что? — она делает невинное лицо. — Просто хочу, чтобы у нас было уютно. Для *работы*.

Вздыхаю. Похоже, ближайшие час-полтора мне предстоит балансировать между профессиональной сдержанностью и мамиными мечтами о моей счастливой семейной жизни.

А ещё — пытаться не взорваться от раздражения, когда Александр Юрьевич в очередной раз заявит, что «всё не так» и «нужно переделать».

Телефон вибрирует. Новое сообщение:
— Договорились. Буду через 45 минут.
Ну вот. Понеслось.

Глава 2.

Начальник не заставил себя долго ждать — приехал даже раньше назначенного времени.

Распахнув дверь, я не сразу его увидела.

А он отнюдь не маленький садовый гномик — скорее Халк или Годзилла.

Всё потому, что в руках у него было два огромных букета цветов и торт.

— Э-ммм... — застываю, раскрыв рот.

— Дина! Пусти гостя! — шипит мама, толкая меня в сторону. — Проходите, пожалуйста!

— Добрый вечер, — улыбается он. — Это вам, — протягивает букеты.

Мама сияет ярче любой новогодней гирлянды. А я краснею, как светофор на перекрёстке, но цветы принимаю.

— Зачем это? — выдавливаю из себя.

— Я по адресу понял, что вы у мамы, Дина. Невежливо ходить в гости с пустыми руками, — ухмыляется он. — Даже по работе.

Молча отступаю в сторону, пропуская его в квартиру.

Мама уже порхает вокруг, принимая букеты, рассыпаясь в благодарностях и попутно оценивающе косясь на моего начальника.

Я чувствую, как горят щёки: ситуация выходит из-под

контроля с каждой секундой.

— Проходите в гостиную, — щебечет мама, ловко перехватывая торт. — Я как раз пирог испекла. Чаю? Кофе?

— Чай был бы очень кстати, — кивает Александр Юрьевич, снимая пальто.

Пока мама суетливо накрывает на стол, я пытаюсь справиться с мыслями.

Что это вообще было?

С каких пор мой вечно недовольный босс приносит букеты и ведёт себя как воспитанный гость?

— Присаживайтесь, — указываю на кресло, стараясь говорить ровно. — О чём хотели поговорить?

Он устраивается напротив, смотрит прямо в глаза:

— Сначала о деле. Хочу обсудить концепцию корпоратива. Но... — делает паузу, — вижу, что обстановка располагает к более неформальному общению.

В этот момент в комнату wpłyвает мама с подносом, на котором дымит чай и красуется её фирменный пирог.

— Ну что ж, — улыбается она, расставляя чашки, — давайте сначала чаю попьем, а потом уже о работе. Так ведь принято в приличном обществе?

Александр Юрьевич вежливо кивает, а я закатываю глаза — незаметно, конечно.

Мама уже всюду расспрашивает его о вкусах, предпочтениях, любимых блюдах. Он отвечает сдержанно, но без раздражения, даже с лёгкой улыбкой.

«Он что, любезничает?» — мелькает у меня мысль.

Но тут же отметаю её: скорее просто старается быть вежливым.

Хотя... почему-то не верю его обычная язвительность куда-то испарилась.

— Так что насчёт корпоратива? — возвращаюсь к теме, когда мама ненадолго выходит за сахарницей.

— Думаю, стоит сделать акцент на семейных ценностях, — неожиданно произносит он. — Пусть сотрудники почувствуют, что компания — это большая семья.

Я удивлённо поднимаю брови:

— Вы серьёзно? После того, как неделю гоняли меня по всем отделам, требуя «жёсткого корпоративного стиля»?

Он слегка улыбается:

— Пересмотрел взгляды. Новый год — время перемен, не находите?

Я смотрю на него, не моргая, и замечаю то, чего раньше не видела: нежность?

Да что происходит?

— Сделаю, как пожелаете, — выдавливаю из себя.

— С кем будете на корпоративе? Пара есть? — неожиданно спрашивает он.

Не успеваю и пикнуть — тут же вмешивается мама:

— Да какая пара! Это же корпоратив, нужно отрываться с коллегами!

Начальник хмыкает и откидывается на спинку кресла,

скрешивая руки на груди.

В его глазах мелькает что-то неуловимое — то ли ирония, то ли раздражение.

Я всё же решаю вставить свои пять копеек:

— У меня есть парень, — делаю глубокий вдох, словно перед прыжком в холодную воду. — Думала прийти с ним.

В комнате повисает пауза.

Мама замирает с чайной ложкой в руке, а я ловлю момент: уголок его губ дрогнул. И кажется, дёрнулся глаз.

Он злится?

Или это просто игра света?

Что тут происходит?

— Вот как, — наконец произносит он, и на лице появляется улыбка — ровная, почти безупречная, но какая-то... натянутая. — Что ж, ладно.

Мама, не упустив шанса, тут же подхватывает:

— А вы, Александр Юрьевич, с кем планируете прийти? Жена, наверное, будет в восторге от праздника!

Он чуть прищуривается, и я вижу, как в его взгляде на долю секунды проскальзывает тень. Но он тут же берёт себя в руки:

— К сожалению, жена не сможет. Мы... расстались.

Мама ахает, прикрывая рот ладонью, а я чувствую, как внутри всё сжимается.

Не от жалости — от странного, колючего ощущения, будто я только что заглянула в чужую боль, не имея на это права.

— Ох, простите, — бормочет мама, краснея. — Я не знала...

— Ничего страшного, — спокойно отвечает он. — Это уже в прошлом.

В воздухе повисает неловкость. Я пытаюсь придумать, что сказать, чтобы сгладить ситуацию, но слова будто застряли в горле.

Мама нервно перекладывает салфетки на столе, а начальник снова смотрит на меня — долго, внимательно, словно ищет что-то в моём лице.

— Так что насчёт корпоратива, Дина? — наконец спрашивает он, возвращаясь к делу. — У вас есть идеи?

Я с облегчением хватаюсь за эту нить:

— Да, конечно. Я подготовила несколько вариантов...

И пока я рассказываю о планах, о декорациях, о программе, я чувствую — что-то изменилось.

Между нами повисло нечто неосязаемое, но осязаемое, как статическое напряжение перед грозой.

И я не знаю, к чему это приведёт.

Когда мы обсудили всё — и то, что можно, и то, что нельзя, — раздался звонок в дверь. Мама подпрыгнула на месте и пошла открывать.

— Кого там нелёгкая принесла? — бурчит она, направляясь в коридор. — Какие люди — и без охраны!

Я встаю с кресла, чтобы посмотреть, кто пришёл, и ловлю на себе взгляд начальника. Он *сжигал* меня — от головы до

пят.

В глазах — непонятная смесь раздражения и чего-то ещё, неуловимого.

Из оцепенения меня вырывает голос Лёши, моего мужчины:

— Я за Диной, — говорит он раздражённо, даже не поздоровавшись с мамой.

Ну, чудесно. И как он узнал, что я тут? Скандала не избежать.

Лёша и без того ревнивый, как чёрт.

А моего начальника он на дух не переносит — с первой же встречи, когда я их случайно познакомила в кафе возле офиса.

Тогда всё ограничилось натянутыми улыбками и холодными кивками, но с тех пор Лёша при каждом упоминании Александра Юрьевича кривит губы и бросает: «Этот твой босс — не человек, а ходячий стресс-тест».

Я не знаю, в чём причина. Очевидно, это что-то личное — то, чего я не вижу или не хочу видеть.

Мама, явно почувствовав напряжение, пытается сгладить ситуацию:

— Лёшенька, какой приятный сюрприз! Проходи, чайку попьем...

— Некогда, — отрезает он, не сводя с меня взгляда. — Дина, нам надо поговорить. *Сейчас.*

Александр Юрьевич медленно поднимается с кресла. Его

лицо — маска вежливого безразличия, но я замечаю, как сжимаются кулаки в карманах брюк.

— Если позволите, я, пожалуй, пойду, — произносит он ровным тоном. — Мы обсудили основное. Детали пришлю по почте.

— Да-да, конечно, — торопливо киваю я, чувствуя, как внутри всё скручивается в тугой узел.

Пока мама суетится, провожая начальника и рассыпаясь в извинениях за «неудобный момент», я остаюсь наедине с Лёшей.

Он скрещивает руки на груди и смотрит на меня так, будто я только что предала все возможные клятвы.

— Ты что, с ним тут *встречаешься*? — шипит он, понижая голос. — В доме твоей матери? Серьёзно?

— Это рабочая встреча, Лёша, — пытаюсь говорить спокойно. — Мы обсуждали корпоратив.

— Рабочую встречу можно провести в офисе. Или по телефону. Или хоть в кафе! Но не у твоей мамы, не за чашкой чая, не в этой... *уютной* обстановке!

Я закрываю глаза на секунду, считая до трёх. Знаю: сейчас любое слово может стать искрой для взрыва.

— Давай не здесь, — прошу тихо. — Выйдем на улицу. Поговорим спокойно.

Он кивает, резко разворачивается и идёт к двери. Я бросаю виноватый взгляд на маму, которая стоит в коридоре с бледным лицом и чашкой недопитого чая в руках.

— Прости, — шепчу ей.

И выхожу вслед за человеком, которого, кажется, уже не узнаю.

Но перед этим мама успевает всучить мне зелёную коробочку с бантиком и запиской.

— Дома откроешь, — шепчет она, быстро сжимая мою ладонь.

Я киваю, машинально прячу коробочку в карман куртки, даже не успев разглядеть, и выхожу на лестничную клетку.

Холодный воздух слегка отрезвляет, но напряжение между мной и Лёшей ощущается почти физически — как натянутая струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения.

Он стоит, прислонившись к перилам, и смотрит куда-то в сторону, кулаки всё ещё сжаты. Я делаю шаг ближе, пытаюсь подобрать слова, но он перебивает:

— Ну? Объяснишь?

— Я уже сказала — это была рабочая встреча. Александр Юрьевич приехал обсудить корпоратив. Ничего больше.

— «Александр Юрьевич», — передразнивает он, наконец поворачиваясь ко мне. В его глазах — не просто ревность. Что-то глубже, злее. — Ты всегда так официально его называешь? Или только когда рядом мама?

Я глубоко вдыхаю, стараясь не сорваться.

— Лёш, ты ведёшь себя нелепо. Он мой начальник. Я работаю на него. Это всё.

— Работаешь, — он усмехается, но в этой усмешке нет

ни капли юмора. — А почему тогда он смотрел на тебя так, будто ты не сотрудник, а...

— Что? — резко перебиваю. — Как «так», Лёша?

Он замолкает. Видно, что сам не может сформулировать — только чувствует. И это хуже всего.

— Послушай, — говорю тише, — если у тебя есть какие-то претензии, давай обсудим. Но не здесь, не на лестнице, не после пяти минут додумывания.

Он проводит рукой по лицу, будто стряхивая наваждение.

— Прости. Я... просто увидел его машину у подъезда, и что-то внутри щёлкнуло. Знаю, что веду себя как идиот.

Я молчу. Хочется обнять, сказать, что всё в порядке, но что-то мешает. Какая-то тень, мелькнувшая между нами, ещё не рассеялась.

— Поехали ко мне? — предлагаю осторожно. — Поговорим нормально. Чай, плед, тишина. Никаких начальников.

Он кивает, и на этот раз его взгляд становится чуть теплее.

— Давай.

Мы спускаемся вниз, выходим на улицу. Вечер уже окончательно вступил в свои права: фонари зажглись, снег хрустит под ногами, где-то вдалеке слышится смех прохожих.

Всё как обычно.

Только внутри — будто трещина.

Маленькая, но осязаемая.

Уже в машине, пока Лёша заводит двигатель, я достаю из кармана зелёную коробочку. Лёгкая, почти невесомая. Раз-

вязываю бантик, открываю крышку.

А там... Таблетки? Ничего не понимаю. Разворачиваю записку и издаю смешок.

«Доченька, я надеюсь, что в новом году ты избавишься от тех, кто паразитирует твою жизнь. Искренне желаю тебе найти того, кто оценит тебя как женщину. Ты достойна счастья, любви и семьи. Настоящей семьи. С любовью, мама».

Я застываю на минутку, переваривая написанное, а затем вбиваю название препарата в поисковик. Экран тут же выдаёт однозначный результат — таблетки от глистов.

— Зайка, что там? — интересуется Лёша, поворачиваясь ко мне. — Таблетки? Болит что-то?

Я молча показываю ему экран телефона. Он хмурится, вчитывается, потом резко выпрямляется.

— Что за... — он переводит взгляд на коробочку, потом на меня. — Твоя мама дала тебе... *это?*

Я не могу сдержать нервный смешок, который тут же перерастает в истерический хохот.

Смеюсь и не могу остановиться — то ли от абсурдности ситуации, то ли от накопившегося напряжения.

— Видимо, — выдыхаю наконец, — мама считает, что в моей жизни есть паразиты. И хочет, чтобы я от них избавилась.

Лёша молчит, явно пытаюсь осмыслить происходящее. Потом осторожно спрашивает:

— И кого она имеет в виду? Меня?

Смех мгновенно обрывается. Я смотрю на него и понимаю: он всерьёз воспринял это как намёк.

В его глазах — смесь обиды и тревоги.

— Лёш, это... — я подбираю слова, — это просто мамина гипертрофированная забота. Она всегда всё драматизирует. Думает, что знает, как мне лучше.

— Но она явно что-то имела в виду, — настаивает он. — Почему именно *такие* таблетки? Почему не витамины, не успокоительное?

Я закрываю коробочку, кладу её на колени. В голове крутится одна мысль: мама не просто намекнула — она прямо указала, что считает кого-то паразитом в моей жизни. И если не Лёшу, то кого?

— Давай не будем придавать этому слишком большое значение, — говорю я, стараясь звучать уверенно. — Это просто... странный способ выразить беспокойство. Она переживает за меня, вот и всё.

— Переживает, — повторяет он с горькой усмешкой. — А я, значит, паразит?

— Нет! — я резко поворачиваюсь к нему. — Не говори так. Ты — самый близкий мне человек. И если мама что-то там себе придумала...

— А если она права? — перебивает он. — Если я действительно... мешаю тебе? Тяну вниз?

Я вижу, как в нём борются два чувства: желание верить

мне и кровоточащее сомнение, посеянное этой дурацкой коробочкой.

— Ты не мешаешь, — говорю твёрдо. — Ты — моя опора. И если кому-то кажется иначе, это их проблема, а не наша.

Он долго смотрит на меня, будто пытаясь прочесть правду в моих глазах.

Потом медленно кивает:

— Ладно. Давай забудем. Но... — он бросает взгляд на коробочку, — может, стоит поговорить с ней? Прямо спросить, что она имела в виду?

Я вздыхаю. Говорить с мамой — значит разжечь ещё больший конфликт.

Она никогда не признает, что перегнула палку. Для неё это «забота», а всё остальное — «недопонимание».

— Позже, — обещаю я. — Когда эмоции улягутся. Сейчас лучше просто... выдохнуть.

Он включает обогрев, и тёплый воздух начинает заполнять салон. Где-то за окном продолжают смеяться прохожие, а мы сидим в машине, окружённые молчанием.

Я сжимаю коробочку в руке. Подарок, который должен был принести радость, превратился в камень на душе.

И теперь мне предстоит решить: выбросить его как нелепую ошибку или сохранить как напоминание о том, что даже самые близкие люди могут ранить, думая, что помогают.

Глава 3.

Утро в офисе начинается вяло. Коллеги спуют из угла в угол, держа в руках не кружки, а скорее большие термосы — литра на полтора.

Я нашла отличного поставщика с качественным товаром и выбила шикарную скидку для компании: партия-то вышла немаленькая. Таким образом убила двух зайцев:

босс доволен — больше нет столпотворения на кухне; коллеги счастливы — получили полезные подарки к празднику.

Самые сообразительные (и я тут, конечно, ни при чём) догадались заливать в термосы вино.

И что вы думаете? Продуктивность неожиданно подросла. Может, пора уходить из секретарей?

В кадровики?

Или в маркетинг?

Александр Юрьевич с утра ни разу меня не «дернул». Ни единого замечания по поводу моей короткой юбки или декольте.

И это... пугает.

Вчера он уходил явно не в духе. А сегодня — молчит. Ни вызовов, ни претензий. Что это? Хорошее настроение? Или затишье перед бурей?

Лёша полночи изводил меня ревнивыми расспросами, а под утро сослался на «дела» и уехал. В итоге я не выспалась

и злая, как цепной пёс. Так и тянет на кого-нибудь наехать.

Делаю глоток из своего термоса. Вино — красное, холодное, вкусное.

Решаю сходить на кухню и сварить боссу кофе. В ту самую кружку, что прикупила специально для него. Не как у всех. Я заказала её индивидуально.

Открываю шкафчик — и вот он, коньяк. Ну что ж... Офис сегодня и так на веселе. Почему бы и боссу не расслабить булки?

На кухне тихо. Только кофемашина монотонно гудит, наполняя чашку густым ароматом. Я добавляю в напиток пару капель коньяка, осторожно перемешиваю. Запах становится теплее, глубже.

Возвращаюсь в приёмную заваливаюсь в его кабинет, ставлю кружку на край его стола. Александр Юрьевич поднимает глаза — впервые за утро.

— Это что? — спрашивает, приподнимая бровь.

— Кофе. С сюрпризом, — улыбаюсь я. — Праздник же.

Он принохливается, усмехается:

— Коньяк? Серьёзно?

— Совсем чуть-чуть. Для настроения.

Он делает глоток, закрывает глаза, будто пробует не напиток, а воспоминание.

— Неплохо, — говорит наконец. — Очень неплохо.

В этот момент дверь открывается, и в приёмную врывается Марина из бухгалтерии:

— Дина, ты не поверишь! У нас же сегодня встреча с инвесторами, а проектор не включается!

Я вздыхаю. Вот и закончилось тихое утро.

— Сейчас разберёмся, — говорю, уже направляясь к выходу.

— Дина, — окликает босс. — После проектора зайди ко мне.

Его тон — спокойный, но в нём что-то есть. Что-то, от чего по спине пробегает лёгкий холодок.

«Только не это», — думаю я. — «Только не сейчас».

Но делать нечего. Киваю и иду вслед за Мариной, оставляя за спиной дымящуюся кружку и загадочное выражение лица моего начальника.

Отчитав техников на всех доступных мне языках, я возвращаюсь в кабинет начальника. Он сидит в кресле. Поза расслабленная, на губах — улыбка. Крутит в руках кружку.

— Она не такая, как у других, — шепчет.

— Я решила, что будет правильно сделать её индивидуальной, — улыбаясь, шепчу я.

— Ты всегда выделялась в стиле одежды, Дина, — ухмыляется, переводя тему, осматривая меня с головы до пят.

Вот оно. Сейчас будет отчитывать за платье, которое еле прикрывает мой округлый зад. Или за декольте, из которого выпирает пышная грудь.

— Я...

— Ты очень красивая, Дина. Жаль, что тот, кто рядом с

тобой столько лет, этого не ценит.

Я замираю. Это что? Он делает мне комплименты? Или мне вино в голову дало? Божечки-кошечки, спаси и сохрани. Кажись, зря я ему столько коньяка налила.

— У меня подарок для тебя. К Новому году, — он встаёт из-за стола и идёт к шкафу. — Я буду счастлив, если ты примешь его и будешь носить.

Он ставит на стол коробку с большим красным бантом. Я моргаю, пытаюсь прийти в себя.

Медленно подхожу, снимаю крышку — и передо мной оказывается потрясающее красное платье. Достая его из коробки и замираю. Оно в моём стиле: открытое, короткое, блестящее.

Поднимаю взгляд на начальника, а тот аж светится весь, ставя рядом ещё одну коробку, которую открывает уже сам.

А в ней — дизайнерские туфли на высоком каблуке. Я знаю, сколько они стоят. Они охренеть сколько стоят: две мои зарплаты. Даже не две, а три с половиной. Платье, очевидно, стоит не меньше.

— Зачем... почему? Мне?

— Тебе, — улыбается, подходя ближе. — И это не всё. Вот, — протягивает мне футляр.

Я открываю футляр — и внутри, на бархатной подушке, переливается кольцо: крупные рубиновые капли в обрамлении бриллиантов.

Дыхание перехватывает.

Это не просто подарок.

Это заявление.

Громкое, безоговорочное, пугающее.

— Зачем... почему? — повторяю я, едва шевеля губами.

— Это слишком.

— Тебе, — повторяет он, делая ещё шаг ближе. Его голос звучит тихо, но в нём столько твёрдости, что не поспоришь.

— И это не взятка, не попытка купить твоё внимание. Просто... ты заслуживаешь.

Я отступаю, прижимая платье к груди. В голове — хаос. Compliments, дорогие подарки, странный тон... Всё это выливается из колеи.

— Александр Юрьевич, — выдавливаю, стараясь говорить ровно, — это... невероятно. Но я не могу принять.

Он вскидывает бровь:

— Почему?

— Потому что это... слишком. Слишком личное. Слишком... много.

Он молчит несколько секунд, потом кивает:

— Понимаю. Ты привыкла держать дистанцию. Но позволь мне сказать прямо: ты мне нравишься. Не как сотрудница. Как женщина.

Мир на мгновение замирает. Я чувствую, как кровь приливает к щекам, как сжимаются пальцы на шёлковой ткани платья.

— Это... неуместно, — наконец выговариваю я. — Вы

мой начальник. У меня есть парень.

— Парень, который не ценит тебя, — мягко, но настойчиво перебивает он. — Который не видит, какая ты на самом деле.

— Это не ваше дело, — резко отвечаю я, сама удивляясь своей смелости. — Мои отношения — моя зона ответственности.

Он поднимает руки в примиряющем жесте:

— Прости. Я не хотел давить. Просто... хотел быть честным.

Тишина. Тяжёлая, звенящая. Я смотрю на подарки — на платье, туфли, кольцо — и понимаю: это точка. Момент, после которого всё изменится. Независимо от моего ответа.

— Я уйду, — говорю тихо. — Мне нужно... подумать.

— Конечно, — он отступает, снова садясь в кресло. — Но, Дина... если решишь принять подарок — знай: он от чистого сердца.

Я киваю, не глядя на него. Сжимаю в руках коробку, чувствуя, как дрожат пальцы.

Выхожу из кабинета, оставляя за спиной не только дорогие вещи, но и вопрос, на который пока нет ответа.

В приёмной коллеги что-то обсуждают, смеются. Жизнь идёт своим чередом.

А я кажется... Схожу с ума.

Глава 4.

Подарки мне доставили домой. Курьер был не из нашей компании — за это уже спасибо. Но, один хрен, Лёша устроил мне адский разгон.

По иронии судьбы доставка пришла именно тогда, когда он был у меня.

Звонок в дверь, я выхожу в коридор — а там коробка с красным бантом, и парень с нейтральным лицом протягивает мне квитанцию.

— Распишитесь, пожалуйста.

Я едва успеваю взять ручку, как из комнаты вылетает Лёша.

— Кому это? — резко спрашивает он, глядя на коробку.

— Мне, — отвечаю, стараясь сохранить спокойствие. — Это... подарок.

— От кого? — его голос становится ниже, напряжённее.

И начинается. Сто один вопрос, один за другим:

Кто это прислал?

Почему ты приняла?

Ты что, не могла отказаться?

А если это подстава?

А если там что-то опасное?

Ты вообще думаешь, что делаешь?

Я отвечаю сдержанно, ровно, подбирая слова. Объясняю,

что не заказывала, что не знала, что не просила.

Но мои ответы, словно бумага в шредере, — он рвёт их в клочья, не слушая, не принимая, не веря.

— Ты всегда так! — кричит он наконец. — Всегда находишься в центре внимания! Всегда тебе что-то дарят, всегда ты в фокусе! А обо мне ты когда-нибудь думаешь?

Я молчу. Потому что знаю: сейчас любые слова только подольют масла в огонь.

Он ходит по комнате, сжимает кулаки, потом резко останавливается:

— И что, ты наденешь это платье? Покажешься в нём перед ним?

— Я не собираюсь его надевать, — тихо говорю я. — Я даже не знаю, приму ли подарок.

— Но ты же его не вернула! — он бьёт ладонью по столу. — Значит, оставила. Значит, тебе приятно.

Я чувствую, как внутри что-то ломается. Не в первый раз. Но в этот раз — особенно больно.

— Лёша, — я пытаюсь говорить спокойно, — это просто вещь. Я не влюблена в того, кто её прислал. Я с тобой.

— «С тобой», — передразнивает он. — А ведёшь себя так, будто тебе всё равно. Будто ты... ищешь чего-то.

Я закрываю глаза.

Сколько раз я говорила ему о свадьбе?

О семье?

О простом «да, я хочу быть с тобой навсегда»?

И каждый раз он сворачивал разговор, отшучивался, говорил: «Рано», «Не время», «Давай сначала я решу вопросы с работой».

А теперь — обвиняет меня в том, что я не ценю его. Что я ищу внимания на стороне.

— Я просто хочу, чтобы ты меня любил, — шепчу я, и голос дрожит. — По-настоящему. Чтобы я чувствовала, что я — единственная. Что я — важна.

Он молчит. Смотрит на коробку, на меня, потом отворачивается.

— Ты всегда всё усложняешь, — бросает он через плечо. — Всегда ищешь проблемы там, где их нет.

И это — самое горькое. Потому что проблема не в подарке. Не в коробке с бантом.

Проблема в том, что я годами прошу любви, а получаю лишь оправдания.

Я много плакала за годы наших отношений. Особенно горько оттого, что все мои разговоры о свадьбе он сворачивал и отметал.

Я чувствовала себя ничтожеством.

Попрошайкой, которая кланчит любовь.

Когда он уходит — не прощаясь, просто хлопнув дверью, — я опускаюсь на пол, прижимаю коробку к груди и наконец даю волю слезам.

Не из-за подарков.

Не из-за скандала.

А потому, что вдруг ясно понимаю: я заслуживаю большего.

В разгар истерики, когда я буквально захлебывалась слезами, в дверь постучали. Я думала, что Лёша решил извиниться, и с неохотой открыла дверь.

Я застыла в дверном проёме, судорожно вытирая слёзы рукавом. Александр Юрьевич замер напротив, сжимая в руке бутылку виски, словно вдруг осознал, насколько неуместно выглядит этот жест.

— Я... — он запнулся, окинув меня взглядом — растрёпанную, с заплаканным лицом, в обнимку с проклятой коробкой. — Увидел, что Лёша выбежал как ошпаренный... Решил проверить, всё ли в порядке. Мимо проходил.

Его голос звучал непривычно мягко, без обычной стальной нотки. Ни упрёка, ни раздражения — только растерянность и что-то ещё, неуловимое.

Я попыталась что-то сказать, но вместо слов вырвался лишь сдавленный всхлип. Тело вдруг обессилело, и я опёрлась о косяк, боясь упасть.

Александр Юрьевич шагнул вперёд, осторожно забрал у меня коробку, поставил её на тумбочку и тихо закрыл дверь.

— Пойдём, — он мягко подтолкнул меня к кухне. — Сядь. Я сейчас сделаю чай. Или... может, лучше виски?

Я кивнула, не разбирая, что именно сказала. Просто села на стул, обхватив себя руками, пытаюсь унять внутреннюю дрожь.

Он молча достал из шкафа чашки, нашёл заварку, включил чайник. Движения были уверенными, почти домашними. Ни спешки, ни суеты — будто он делал это сотни раз.

Когда чайник закипел, он налил мне чаю, добавил ложку мёда (откуда он знал, что я люблю именно так?), поставил чашку передо мной.

— Выпей. Медленно.

Я послушно сделала глоток. Тепло разлилось по телу, но внутри всё ещё колотилось, как после шторма.

— Не надо ничего объяснять, — тихо сказал он, присаживаясь напротив. — Просто скажи, если хочешь поговорить. Или если хочешь молчать. Или если хочешь, чтобы я ушёл.

В его глазах не было ни любопытства, ни осуждения — только тихое, почти осторожное участие. И от этого стало ещё больнее.

— Он... — я сглотнула, пытаюсь собрать слова в связную фразу. — Он считает, что я... что я ищу внимания. Что я... не ценю его.

Александр Юрьевич кивнул, не перебивая.

— А я просто хотела, чтобы он... чтобы он хоть раз сказал, что любит меня. По-настоящему. Чтобы я почувствовала, что я — единственная. А он...

Голос сорвался. Я закрыла лицо руками, чувствуя, как слёзы снова катятся по щекам.

Он не стал говорить «не плачь» или «всё наладится». Просто пододвинул ко мне салфетку и тихо сказал:

— Ты имеешь право чувствовать то, что чувствуешь. И ты имеешь право быть счастливой.

Эти слова, простые и в то же время невыносимо честные, будто прорвали какую-то плотину внутри меня.

Я подняла на него глаза, и вдруг поняла: он *видит* меня. Не секретаршу Дину, не «ту, что всегда в короткой юбке», не объект для шуток или упрёков.

А меня — настоящую.

— Спасибо, — прошептала я.

— Дина... — прошептал он, открывая виски. — Попробуй пожить для себя.

— Что вы имеете в виду? — делаю глоток чая.

— Если скажу... пообещай не визжать, — смеётся.

— Я похожа на истеричку? — развожу руками и сбиваю чашку со стола под его смех.

— Ну... — заливается хохотом.

— Так! — пыхчу.

— Выпей со мной, женщина, — встаёт и достаёт для меня бокал. — Я собираюсь уговорить тебя на свидание. Трезвую — могу и не уговорить. Придётся жульничать.

Я застываю с приоткрытым ртом, не зная, как реагировать.

В голове — хаос: только что рыдала из-за Лёши, а теперь мой начальник... предлагает свидание? И не просто так, а с оговоркой про «жульничество».

— Вы... серьёзно? — выдавливаю наконец, чувствуя, как

жар приливает к щекам.

Он ставит передо мной бокал, наливает виски — ровно на два пальца, а сам делает глоток из бутылки.

Улыбается — не насмешливо, как обычно, а тепло, почти нежно.

— Абсолютно. Ты удивительная женщина, Дина. Умная, сильная, красивая. И ты заслуживаешь того, чтобы о тебе заботились. По-настоящему.

Я смотрю на янтарную жидкость в бокале, на его руки, на спокойное, уверенное выражение лица.

Всё это кажется сном.

Или шуткой.

Но в его глазах — ни тени насмешки. Только искренность, от которой становится страшно.

— Александр Юрьевич... — начинаю я, но он мягко перебивает:

— Просто Александр. Хотя бы сегодня.

Молчу.

Мысли мечутся: «А как же Лёша? А работа? А что скажут в офисе?»

Но где-то в глубине, за всеми этими «нельзя» и «не положено», вспыхивает огонёк любопытства.

Или надежды.

Или просто желания почувствовать, что я — не «проблема», не «сложная», не «слишком требовательная».

А желанная.

— Я... не знаю, — шепчу, глядя в бокал. — Это неправильно.

— Что именно? — он наклоняется ближе, голос звучит тихо, но твёрдо. — То, что я вижу в тебе то, чего не видят другие? То, что хочу показать тебе, какой ты можешь быть счастливой? Или то, что не собираюсь ждать годами, пока ты решишь, что достойна внимания?

Я поднимаю глаза. В его взгляде — ни давления, ни агрессии. Только уверенность. И ожидание.

— А если я откажусь? — спрашиваю почти шёпотом.

— Тогда я просто допью виски и уйду. И больше не буду поднимать эту тему. Обещаю.

Тишина. Слышу только стук собственного сердца.

— Но ты не откажешься, — добавляет он, чуть улыбнувшись. — Потому что ты тоже это чувствуешь.

Я делаю глубокий вдох. Потом — глоток виски. Оно обжигает горло, но тепло разливается по телу, успокаивая, придавая смелости.

— Хорошо, — говорю наконец, глядя ему прямо в глаза. — Свидание. Но... без жульничества.

Он смеётся, поднимает свой бокал:

— Как скажешь. Но предупреждаю: я умею быть убедительным.

Я пытаюсь улыбнуться, но внутри всё ещё дрожит. Не от страха — от предвкушения. От осознания, что, возможно, впервые за долгое время я делаю что-то не потому, что «на-

до», а потому, что *хочу*.

— Только... — я запинаюсь. — Давай без иллюзий. Я не знаю, что из этого выйдет.

— И не надо знать, — он слегка касается моего бокала своим. — Просто попробуй пожить для себя. Хотя бы один вечер.

Звон стекла. Запах виски. Его взгляд. И странное, почти забытое ощущение: *я могу*.

Я делаю ещё глоток. Затем ещё и ещё...

Я резко открываю глаза — и тут же зажмуриваюсь от яркого утреннего света, пробивающегося сквозь неплотно задёрнутые шторы.

Где я?

Поворачиваю голову — и сердце проваливается в пятки.

Рядом со мной, спокойно спит Александр Юрьевич. Его рука небрежно лежит на подушке, тёмные волосы взъерошены, лицо расслаблено — совсем не такое строгое, как в офисе.

Паника накрывает волной. Я судорожно пытаюсь вспомнить вчерашний вечер: виски, разговоры, его слова... *Свидание. Без жульничества.*

Но как мы оказались в одной постели?

Сколько я выпила? Какой позор.

Осторожно приподнимаюсь, стараясь не разбудить его. Одеяло сползает, и я с ужасом осознаю, что на мне только

нижнее бельё.

В голове — туман, обрывки воспоминаний мешаются в кашу.

«Он воспользовался моим состоянием!» — первая мысль бьёт наотмашь.

Но тут же другая: «А может, я сама?..»

Глава 5.

Позорище. Господи... Что мне теперь делать?

Бегать от него как от чумы до конца жизни? Нет, не вариант.

Поговорить? Страшно.

Его внимательный взгляд утром был пропитан нежностью. Я не получала такой роскоши от Лёши — ни разу за все наши годы.

Ни намёка на трепет, на бережное отношение, на то, чтобы просто *заметили*: я устала, мне больно, я хочу тепла.

Может, мама права?

Может, я и правда бьюсь головой в закрытую дверь?

Может, моё счастье у меня под носом?

Да ну нет. Бред.

Это временное влечение у него. Точно. Он же развёлся месяц назад. Рана свежая, эмоции на взводе — вот и потянуло на «новое».

Как он так может вообще?

Как может вести себя так — будто ничего не изменилось, будто вчерашнее не перечеркнуло всё привычное?

Ещё и поцеловал меня утром — коротко, почти невесомо — перед тем как ускользнуть в душ. Не сказал ни слова, только этот поцелуй. И ушёл.

А я стояла посреди кухни, прижимая пальцы к губам, и не

могла понять: это было? Или мне показалось?

Утро прошло без единой фразы. Я молча приготовила нам завтрак. Мы молча поели.

Он был спокоен как скала, а я ёрзала на стуле, будто у меня ёжик под задницей.

Каждый его взгляд, каждое движение — как разряд. Я боялась поднять глаза, боялась опустить, боялась дышать слишком громко.

А потом он ещё и на работу привёз — и сиял, как ёлка новогодняя, при этом. Этот мужчина... Я никогда не видела у него такой улыбки за все годы работы.

Не той, что для коллег — вежливой, дежурной, — а настоящей.

Тёплой.

Моей.

В офисе всё как обычно: гул принтеров, звон чашек, чьи-то смешки за перегородкой.

Я сижу за своим столом, но мысли — там, в моей квартире, в этой странной тишине утра.

Телефон вибрирует.

Сообщение от него:

«Сегодня в 19:00. Ресторан „Аврора“. Надень то красное платье».

Я замираю.

Пальцы дрожат.

Что это — приказ?

Приглашение?

Последний шанс всё исправить или окончательно разрушить?

Красное платье. То самое. Подарок, из-за которого всё началось. Который я не вернула, хотя должна была. Который теперь висит в шкафу, как молчаливый свидетель моего смятения.

— Дина, ты в порядке? — спрашивает Марина из бухгалтерии, заглядывая ко мне. — Ты бледная.

— Всё хорошо, — выдавливаю улыбку. — Просто не выспалась.

Она кивает, не настаивает, уходит. А я снова смотрю на экран. На его сообщение. На время. На дату.

Сегодня.

Сейчас.

Или никогда.

Я закрываю глаза и шепчу — то ли себе, то ли ему, то ли тому призрачному шансу, что маячит впереди:

— Я не знаю, что делать. Но я попробую.

Я сижу за столом, бездумно глядя на экран монитора.

Сообщения от Лёши приходят одно за другим — резкие, колючие, полные обиды и обвинений.

«Ты даже не пытаешься всё исправить», «Тебе важнее твоя работа, чем наши отношения», «Я знаю, что ты что-то скрываешь».

Каждое слово — как камешек в рану, которая и так не

успела затянуться после утренней встречи с Александром Юрьевичем и вчерашнего скандала.

Я стираю слёзы, делаю глубокий вдох и заставляю себя встать.

Нужно идти к нему.

Объяснить.

Попросить отпустить пораньше.

Ведь он же пригласил меня в ресторан. Должен понимать, что мне нужно время — собраться, подумать, подготовиться...

Стучу в дверь его кабинета. Сердце колотится где-то в горле.

— Войдите, — раздаётся его голос. Спокойный, ровный.

Открываю дверь. Он сидит за столом, в руках — документы, на лице — сосредоточенность. Но как только видит меня, взгляд меняется. В глазах — тепло, почти нежность.

— Дина, — он откладывает бумаги, поднимается. — Что случилось?

Я делаю шаг вперёд, сжимаю пальцы в кулаки, чтобы не дрожали.

— Я... хотела попросить отпустить меня пораньше сегодня. Нужно... подготовиться к вечеру.

Он молчит несколько секунд, будто взвешивает каждое слово. Потом улыбается — чуть заметно, но так, что у меня внутри всё переворачивается.

— Конечно. Без вопросов. Во сколько тебе нужно уйти?

— В... в четыре, наверное, — бормочу я. — Чтобы успеть...

— Хорошо, — кивает он. — Тогда в три тридцать я тебя отпущу. Поедешь домой, примешь ванну, наденешь то платье. И к семи — в «Аврору».

Его тон — уверенный, почти заботливый. Как будто он уже всё продумал за меня. И от этого становится одновременно и страшно, и... спокойно.

— Спасибо, — шепчу я, не глядя ему в глаза. — Я буду во время.

— Я знаю, — говорит он тихо. — Ты никогда не подводишь.

Я уже поворачиваюсь к двери, но его голос останавливает меня:

— Дина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.